повленія и пожеланія схода, а равно проводить ихъ впослѣдствіи въ жизнь. Стиснутая «руководствомъ» сельсовѣта и благовоззрѣніемъ высшихъ инстанцій, активность схода должна теперь сдѣлаться менѣе непріятной совѣтской власти, чѣмъ она была до сихъ поръ.

Одновременно съ увеличеніемъ числа членовъ сельсовѣта предполагается также увеличеніе и числа членовъ волостного съѣзда, и притомъ въ пять разъ больше по сравненію съ тѣмъ, что было до сихъ поръ. Одинъ депутатъ по проэкту долженъ приходиться, не на 2000, а на 400 жителей. Это расширеніе состава облегчаетъ возможность подбора наиболѣе подходящихъ членовъ волисполкома, но вовсе не связано съ какимъ-нибудь расширеніемъ полномочій самого волостного съѣзда. Власть по прежнему остается въ рукахъ волисполкома. При этомъ особенно возрастаютъ единоличныя полномочія его предсѣдателя; распоряженія послѣдняго дѣлаются обязательными для всѣхъ учрежденій, предпріятій и лицъ, находящихся на территоріи волости. Это очень гармонируетъ съ общей тенденціей эволюціи совѣтскаго строя, нашедшей себѣ яркое выраженіе, между прочимъ, въ одной изъ рѣчей всероссійскаго старосты Калинина, который находитъ, что въ деревнѣ должны быть три популярныхъ фигуры, отвѣтственныхъ за вѣрный подходъ къ крестьянству, это — предсѣдатель губисполкома предсѣдатель уѣздисполкома и предсѣдатель волисполкома. «Черезъ нихъ партійные органы, по его словамъ, должны направлять свою политику». (Извѣст. ВЦИК № 122.)

Въ связи съ происходящимъ укрупненіемъ волостей проэктомъ создается расширеніе и усиленіе полномочій волисполкомовъ. У нихъ вводится особый бюджетъ, увеличивается кругъ предметовъ ихъ вѣдѣній въ сферѣ мѣстнаго благосостоянія, имъ предоставляется право представлять на утвержденіе уѣздн. исполкома проэкты мѣстныхъ обязательныхъ постановленій, а равно право самостоятельно налагать въ административномъ порядкѣ кары за ихъ нарушеніе. Въ волисполкомахъ создается новый центръ мѣстной административной работы. Они получаютъ право надзора за дѣятельностью находящихся въ предѣлахъ волости должностныхъ лицъ и учрежденій, прямымъ образомъ имъ не подчиненныхъ, наприм. по лѣсничеству. Волисполкомамъ дается вмѣстѣ съ тѣмъ право налагать дисциплинарныя взысканія на предсѣдателей сельскихъ совѣтовъ.

До самаго послѣдняго времени руководители совѣтской политики боялись давать столь широкія полномочія наиболѣе близкимъ къ крестьянству инстанціямъ, сосредоточивая ихъ въ рукахъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, гдѣ было обезпечено коммунистическое большинство. Теперь, когда число комунистовъ въ волисполкомахъ удалось довести почти до 50 %, дѣлается еще одинъ шагъ для приближенія совѣтскаго аппарата къ крестьянству. При выборахъ, сводящихся къ безпрекословному принятію выставляемыхъ правительственными организаціями кандидатовъ, вмѣсто прежней двойственности выборныхъ органовъ сословнаго крестьянскаго управленія и назначаемыхъ органовъ контроля, создается единая система бюрократическихъ инстанцій. Набрасываются заключительныя штрихи въ картинѣ централизаціи совѣтскаго аппарата мѣстнаго управленія.

А. А. Боголѣповъ.

„Летающій украинецъ."

О семъ героѣ такъ было мало слышно, что казалось будто онъ отошелъ въ область преданій.

Но живъ еще курилка!.. Не такой «батька» всѣхъ «батьковъ», чтобы сойти окончательно на нѣтъ. Оставленный и забытый всѣми, онъ «летаетъ» сейчасъ по Европѣ, стучится всюду, проситъ, а только всѣ двери наглухо закрыты и нигдѣ ему не удается встрѣтить — ни среди своихъ, ни среди чужихъ — чье либо привѣтливое лицо и чью либо отзывчивость. Эхъ, не тѣ, другія пришли времена. Куда ты удаль прежняя дѣвалась, куда умчались дни богатства, славы?!.. Раньше бывало сколько миссій и посольствъ — У. Н. Р. всюду было разослано, сколько денегъ было, а сколько ихъ можно было заработать отъ одной эмиссіи, никогда не существовавшихъ, почтовыхъ марокъ У. Н. Р.... А теперь приходится блуждать одинешенькому по бѣлу свѣту, искать припрятанныхъ ранѣе «кладовъ» и съ горечью думать о завтрашнемъ днѣ. О немъ только и забота.

Нашъ старый знакомый — атаманъ и «генералъ отъ бухгалтеріи» — Симонъ Петлюра, послѣ одного весьма негостепріимнаго жеста своихъ бывшихъ союзниковъ, покинулъ Польшу и съ нѣкотораго времени проживалъ въ Румыніи совершенно инкогнито, прикрываясь ложнымъ паспортомъ на имя Ивана Могилы. Съ нимъ вмѣстѣ прозябалъ въ нуждѣ и неизвѣстности новый шефъ его штаба ген. Прокопвичъ.

Подумалъ, поразмыслилъ Петлюра, а потомъ прямо къ румынскому правительству предложить свои услуги для «гуляній» по большевистскимъ тыламъ и запросилъ не больше, ни меньше, какъ авансикъ въ 5 милліоновъ лей, да обмундированіе для всей своей арміи, каковая у него пока что числилась только на бумагѣ, кончилось дѣло тѣмъ, что поѣхалъ Петлюра въ Будапештъ.

Отправился онъ въ хожденіе по министерскимъ пріемнымъ и сталъ доказывать венграмъ, что десять они, въ 1919 г., получили отъ «ридной» Украины нѣкую сумму денегъ, такъ вотъ онъ, Петлюра сейчасъ явился за ними. Венгровъ въ смѣхъ бросило, не понимаютъ — не то наивность не то...

Разумѣется въ конечномъ результатѣ ничего изъ петлюровскихъ ходатайствъ не получилось.

Въ Вѣнѣ тогда проживали украинскіе дипломаты Василько и Чикаленко, у которыхъ задержались въ свое время довольно крупныя «дипломатическія» суммы. Петлюра къ нимъ. И сколько онъ не бился, сколько не доказывалъ свои права на дѣлежъ — ничего не помогло. Соглашались только дать ему немножко на дальнѣйшую дорогу. Спустя нѣкоторое время, послѣ смерти Василько, Петлюрѣ былъ выданъ 1 милліардъ австрійскихъ кронъ, но Богъ вѣсть какая сумма. м

«Полетѣлъ» Петлюра дальше... Вспомнилъ онъ, что когда то имъ самимъ было послано въ Римъ 200.000 итальянскихъ лиръ, для нуждъ украинской пропаганды — по офиціальной версіи, а по неофиціальной — на всякій случай. Онъ въ Римъ, къ итальянцамъ, туда, сюда, силился, что называется, откопать свой «кладъ», но итальянцы — народъ упрямый, уперлись и денегъ не дали...

Опять Петлюра вернулся въ Будапештъ, опять добивается «украинскихъ денегъ», но навѣрно понапрасну. Пропали батькины «клады!»

Евгеній Жуковъ.

Печать.

Совѣтская пресса съ восторгомъ трубила о своихъ тріумфахъ, выразившихся въ признаніи ея европейскими государствами. Всѣ передъ ней капитулировали — таковъ былъ ея тонъ. Сейчасъ «Правда», наконецъ, замѣтила, что дѣло не такъ просто.

> Полоса «признаній» СССР со стороны европейскихъ буржуазныхъ правительствъ заставляетъ насъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, быть бдительными. Эта полоса совпадаетъ съ попытками европейской реакціи сдавить совѣтскую страну съ окраинъ. Никогда еще имперіализмъ не проявилъ такой лихорадочной дѣятельности повсюду въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скрещиваются интересы рабочихъ и крестьянъ СССР съ хищническими аппетитами имперіалистскихъ кликъ, какъ въ настоящее время. Событія въ Китаѣ, въ Афганистанѣ, жалкая авантюра въ Грузіи — все это симптомы этой новой полосы въ развитіи имперіализма въ демократически-пацифистскую эру. Мы меньше всего склонны предаваться иллюзіямъ нашей побѣды въ Англіи. Мы знаемъ твердо, что въ условіяхъ капиталистическаго окруженія намъ придется выдержать новыя попытки нажима и шантажа.

Жалкая авантюра въ Грузіи и иллюзіи побѣды въ Англіи. Не правильно ли сказать иначе: иллюзія побѣды въ Грузіи и жалкая совѣтская авантюра въ Англіи.

*

Въ «Правдѣ» появилась статья, предупреждающая о предстоящей полосѣ разоблаченій связи между Пилсудскимъ и Савинковымъ, бѣлаго и зеленаго движенія и пр. Хоть бы подождали немного!

Почти одновременно и «Извѣстія» аргументируютъ показаніями Савинкова, требуя удаленія Нулланса изъ комиссіи по русскимъ дѣламъ. Въ томъ же номерѣ (13-го сент.) помѣщена статья самого Савинкова, помѣченная «внутренняя тюрьма» и подписанная его автографомъ, подъ заголовкомъ «Почему я призналъ совѣтскую власть». Основанія приблизительно тѣ же, какія уже были имъ высказаны на «судѣ» народъ призналъ, эмиграція распылена

> о разореніи страны уже не можетъ быть и рѣчи. Рѣчь идетъ о возстановленіи ея.

Идутъ ссылки на посѣвную площадь, на Донбассъ и пр.

Едва ли имѣетъ смыслъ подробнѣе опровергать эти разсужденія. Самъ Савинковъ опровергъ ихъ безъ остатка. Онъ пишетъ:

> Многое для меня было ясно еще заграницей. Но только здѣсь въ Россіи, убѣдившихъ собственными глазами, что нельзя и не надо бороться, я окончательно отрѣшился отъ своего заблужденія.

По офиціальнымъ совѣтскимъ сообщеніямъ Савинковъ перешелъ границу въ ночь на 16-е августа, а утромъ уже былъ арестованъ. За одну ночь онъ убѣдился уже въ слишкомъ многомъ.

Далекое.

Давнымъ давно, тысячу лѣтъ тому назадъ жилъ да былъ вмѣстѣ со мною на Арбатѣ, въ гостиницѣ «Сѣверный Полюсъ», нѣкій, неслышный, незамѣтный, скромнѣйшій въ мірѣ Иванъ Иванычъ, человѣкъ уже старенькій и довольно потрепанный.

Изъ году въ годъ жила, дѣлала свое огромное дѣло Москва. Что-то дѣлалъ, зачѣмъ-то жилъ на свѣтѣ и онъ. Часовъ въ девять онъ уходилъ, въ пятомъ возвращался. О чемъ-то тихо, но ни чуть не печально думая, онъ снималъ съ гвоздя въ швейцарской свой ключъ, подымался во второй этажъ, шелъ по колѣнчатому коридору. Въ коридорѣ очень сложно и очень дурно пахло и особенно чѣмъ-то тѣмъ, душнымъ и рѣзкимъ, чѣмъ натираютъ полы въ дрянныхъ гостиницахъ. Коридоръ былъ темный и зловѣщій (номера выходили окнами во дворъ, а стекла надъ ихъ дверями давали мало свѣта) и весь день горѣла въ концѣ каждаго его колѣна лампочка съ ослѣпительнымъ рефлекторомъ. Но казалось, что Иванъ Иванычъ не испытывалъ ни малѣйшей доли тѣхъ тяжкихъ чувствъ, которыя возникали на счетъ коридора у людей, не привыкшихъ къ «Сѣверному Полюсу». Онъ шелъ по коридору спокойно, просто, вообще такъ, что его почти не замѣчали. Встрѣчались ему его сожители: бодро спѣшащій, съ молодой бородой и яркимъ взглядомъ студентъ, на ходу надѣвавшій шинель въ рукава; независимаго вида стенографистка, рослая, манящая, несмотря на свое сходство съ бѣлымъ негромъ; старая маленькая дама на высокихъ каблучкахъ, всегда наряженная, нарумяненная, съ коричневыми волосами, съ вѣчнымъ клокотаніемъ мокроты въ груди, о встрѣчѣ съ каковой дамой предупреждалъ быстро бѣгущій по коридору лепетъ бубенчиковъ на ея курносомъ мопсѣ съ выдвинутой нижней челюстью, съ яростно и безсмысленно выпученными глазами... Иванъ Ивановичъ вѣжливо со всѣми встрѣчными раскланивался и ничуть не претендовалъ на то, что ему едва кивали въ отвѣтъ. Онъ проходилъ одно колѣно, заворачивалъ въ другое, еще болѣе длинное и черное, гдѣ еще дальше краснѣла и блистала впереди стѣнная лампочка, совалъ ключъ въ свою дверь — и уединялся за нею до слѣдующаго утра.

Чѣмъ онъ у себя занимался, какими способами короталъ свой досугъ? А Богъ его знаетъ. Домашняя его жизнь, ничѣмъ внѣшнимъ не проявляемая, никому не нужная, была тоже никому невѣдома — даже горничной и коридорному, нарушавшимъ его затворничество только подачей самовара, уборкой постели и гнуснаго умывальника, изъ котораго струя воды била всегда неожиданно и не на лицо, не на руки, а очень высоко и въ сторону, вкось. Съ рѣдкой, повторяю, незамѣтностью, съ рѣдкимъ однообразіемъ существовалъ Иванъ Иванычъ. Проходила зима, наступала весна. Неслись, грохотали, звенѣли конки по Арбату, непрерывно спѣшили куда-то, навстрѣчу другъ другу, люди, трещали извочичьи пролетки, кричали разносчики съ лотками на головахъ, къ вечеру въ далекомъ пролетѣ улицы сіяло золотисто-свѣтлое небо заката, музыкально разливался надъ всѣми шумами и звуками басистый звонъ съ шатровой, древней колокольни: — Иванъ Иванычъ какъ будто даже и не видѣлъ, не слышалъ ничего этого. Ни весна, ни лѣто, ни осень не оказывали ни малѣйшаго видимаго вліянія ни на него, ни на образъ его жизни. Но вотъ, однажды весной, пріѣхалъ откуда-то, взялъ номеръ въ «Сѣверномъ Полюсѣ» и сталъ ближайшимъ сосѣдомъ Иванъ Иваныча какой-то князь. И произошло съ Иваномъ Иванычемъ нѣчто совершенно нежданное, негаданное.

Чѣмъ могъ поразить его князь? Конечно, не титуломъ, — была-же старѣйшая сожительница Ивана Иваныча, маленькая дама съ мопсомъ, тоже особой титулованной, и однако не чувствовалъ онъ къ ней ровно ничего. Чѣмъ могъ плѣнить? Конечно, не богатствомъ и не внѣшностью, — князь былъ очень прожившійся человѣкъ, а на видъ очень запущенный, нескладно огромный, съ мѣшками подъ глазами, съ шумной, тяжкой одышкой. И все таки былъ Иванъ Иванычъ и пораженъ, и плѣненъ, а главное, совсѣмъ вонъ выбитъ изъ своей долголѣтней колеи. Онъ превратилъ свое существованіе въ какое-то непрестанное волненіе. Онъ повергъ себя въ тревожное, мелкое и постыдное обезьянство.

Князь пріѣхалъ, поселился, сталъ уходить и приходить, съ кѣмъ-то видѣться, о чемъ-то хлопотать, — совершенно такъ-же, разумѣется, какъ дѣлали это всѣ, которые останавливались въ «Сѣверномъ Полюсѣ», которыхъ перебывало на памяти Иванъ Иваныча великое множество и навязываться на знакомство съ которыми Ивану Иванычу и въ голову не приходило. Но князя онъ почему-то изъ всѣхъ отличилъ. Передъ княземъ онъ, при второй же или третьей встрѣчѣ въ коридорѣ, почему-то расшаркался, представился и со всяческими любезнѣйшими извиненіями попросилъ сказать какъ можно точнѣе, который часъ. А завязавъ такимъ ловкимъ образомъ знакомство, просто влюбился въ князя, привелъ въ полное разстройство весь свой обычный жизненный укладъ и рабски сталъ подражать князю чуть не на каждомъ шагу.

Князь, напримѣръ, ложился спать поздно. Онъ возвращался домой часа въ два ночи (и всегда на извозчикѣ). Сталъ и у Ивана Иваныча горѣть до двухъ часовъ лампа. Онъ зачѣмъ-то ждалъ возвращенія князя, его грузныхъ шаговъ по коридору, его свистящей одышки. Онъ ждалъ съ радостью, чуть не съ трепетомъ и порою даже высовывался изъ своего номерка, чтобы видѣть подходящаго князя, поговорить съ нимъ. Князь шелъ не спѣша, какъ бы не видя его, и всегда спрашивалъ одно и то же, глубоко безразличнымъ тономъ:

— А, а вы еще не спите?

И Иванъ Иванычъ, замирая отъ восторга, хотя, впрочемъ, безъ всякой робости и безъ всякаго подобострастія, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, князь, не сплю еще. Время дѣтское, всего десять минутъ третьяго... Гуляли, развлекались?

— Да, — говорилъ князь, сопя и не попадая ключомъ въ дверную скважину: — встрѣтилъ стараго знакомаго, зашли, посидѣли въ трактирѣ... Покойной ночи...

Тѣмъ все дѣло и кончалось, такъ холодно, хотя и вѣжливо, обрывалъ князь свою ночную бесѣду съ Иванъ Иванычемъ, но съ Ивана Иваныча и этого было довольно. На цыпочкахъ возвращался онъ къ себѣ, привычно дѣлалъ все то, что полагается передъ сномъ, немножко крестился и кивалъ въ уголъ, неслышно укладывался въ постель за перегородкой и тотчасъ же засыпалъ, совершенно счастливый и совершенно безкорыстный въ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ своихъ насчетъ князя, если не считать невиннѣйшаго вранья коридорному утромъ:

— А я вчера опять засидѣлся... Опять заговорились съ княземъ до третьихъ пѣтуховъ...

Князь съ вечера выставлялъ за дверь свои большіе растоптанные башмаки и вывѣшивалъ широчайшіе серебристые панталоны. Сталъ и Иванъ Иванычъ выставлять свои сморщенные сапожки, которые чистились прежде въ двунадесятые праздники, и вывѣшивать блестящіе, съ оборванными пуговицами брючки, которыя прежде не вывѣшивались никогда, даже подъ Рождество, подъ Пасху.

Князь просыпался рано, страшно кашлялъ, съ жадностью закуривалъ толстую папиросу, кричалъ, отворивъ дверь въ коридоръ, на весь домъ: — «Каридорный! Чаю!» — и, шлепая туфлями, въ халатѣ, надолго уходилъ за нуждой. Сталъ и Иванъ Иванычъ дѣлать тоже, то есть то, чего прежде отъ роду не дѣлалъ, — кричалъ въ коридоръ о самоварѣ и, въ калошахъ на босу ногу, въ лѣтнемъ пальтишкѣ на заношенномъ бѣльѣ, бѣжалъ и себѣ за нуждой, хотя прежде бѣгалъ онъ туда всегда вечеромъ.

Князь, подобно Ивану Иванычу, курилъ вертушки, каждые два дня покупалъ четверку табаку и раскладывалъ его на газетѣ на подоконникѣ, для сушки. Подглядѣвъ это, сталъ и Иванъ Иванычъ дѣлать то же самое со своимъ табакомъ.

Князь однажды сказалъ, что онъ очень любитъ циркъ и часто бываетъ въ немъ. Рѣшилъ сходить въ циркъ и Иванъ Иванычъ, никогда цирка не любившій, бывшій въ циркѣ не менѣе сорока лѣтъ тому назадъ, и однажды сходилъ таки и съ восхищеніемъ разсказалъ ночью князю, какое онъ получилъ огромное наслажденіе...

(Окончаніе слѣдуетъ.) **Ив. Бунинъ.**